

На земле Калевалы
(повесть)

Геннадий Фиш

*(Избранные произведения в двух томах, том 2, Москва 1976,
стр. 5–119. Копия 17 октября 2005 г. — не проверена.)*

У наших ног пенилась неширокая, но быстрая, шумная речка. Вода бежала, перепрыгивая через валуны; они чернели и поблескивали на солнце, словно бока улегшихся в воду буйволов. Под ногами вилась белая сосновая стружка, и от нового, только что поставленного сруба шел ласковый аромат; запах душистой и прозрачной смолы смешивался с горечью махорки, свежестью весенней травы. Между стволами высокого строевого леса синело широкое озеро к которому так быстро бежала речка. на ней колхозники строили гидростанцию. Здание было уже готово, и плотники ладили теперь водосбросный лоток. Топоры их стучали гулко, и эти звуки напоминали стрельбу из винтовок, которая еще так недавно раздавалась в этих лесах.

стр. 7

Завтра, в воскресный день, сюда должны были прийти человек двести крестьян из окрестных колхозов на земляные работы — возводить плотину.

Перепрыгивая через кочки, переступая через узловатые корни сосен, мы с колхозным прорабом Якуничевым, высоким светловолосым парнем, шли по берегу речки к тому месту, где завтра с утра колхозники должны ставить рязи и заваливать их булыжником.

Несмотря на то, что Якуничев на первый взгляд казался человеком грузноватым, он перескакивал через валуны с необычайной легкостью; походка у него была плавная, размеренная, как и все движения его большого красивого тела.

— Вот про нашу станцию, — сказал Якуничев, — в газетах пишут, что скоро в избах колхозников лампочка загорится. Лампочка, свет — это, конечно, очень нужно, но не в этом сила-то. Деревню эту карательный отряд сжег, всего семь хозяйств осталось, — так для освещения семи домов стоило ли огород городить?

И Якуничев рассказал мне: когда эвакуированные колхозники вернулись в деревню, поселились в землянках и в уцелевших домах, они стали обсуждать, с чего начинать восстановление. Ближайший лесопильный завод и железная дорога — километров за сто. Оттуда надо везти пиломатериалы. Ни людей, ни тягла в колхозе на это дело не хватит, и восстановление затянется лет на пять-семь. А вокруг стоит нетронутые леса. И вот решили колхозники начинать стройку с электростанции и пилу на электрической энергии пустить.

стр. 8

— Все, что надо для нашего колхоза, за один сезон напилим, а потом и соседям поможем. Так, глядишь, за год-другой и подыдемся. Все вместе. Н МТФ у нас сотня коров, дальше еще больше будет. Каждой

корове на поило, на обмывку, на скотный двор и прочее — этак тысячу ведер за сутки. Поди натаскай. Самое меньшее шесть человек надо. А тут электроэнергия — насос. Так что не в освещении дело, а, попросту говоря, без своей электростанции нам никак не вылезть, никак не обернуться. А с ней мы за довоенное время перешагнем. Вперед прыгнем. Потому и весь колхозный народ с открытым сердцем на такое дело пошел. Я тоже к этой стройке всей душой припал. Конечно, в чертежах мне трудно разбираться. Сам я не электрик, да ко мне в отпуск друг по партизанскому отряду приезжал, объяснял про электричество. Он у нас в отряде радистом был, «Последний Час» прозвали. А потом дели мне в помощники старика одного, — продолжал Якуничев, помолчав с минуту. — Сначала я думал, зря его суют. На тебе, боже, что нам негоже. А на деле бойкий старик. Как только фашисты начали отступать, он по лесам пошел. У нас, знаете ли, все здесь вокруг было минировано: тысячи, десятки тысяч мин. А он пошел и стал собирать брошенные финнами провода. Там десятков метров подберет, там — сотню. Больше месяца по лесам ходил, несколько километров проводов насобирал. Полностью проводами обеспечил колхоз. Бесстрашный старик.

Мы сели на небольшой замшелый валун. Где-то над ухом звенел комар. Плотник стучали топорами.

Мне вспомнилось, как жарким летом в таком же карельском лесу сидел я на таком же валуне около входа в землянку. И так же тогда пахло нагретой смолой и хвоей. Рядом со мной был командир дивизии Лундстрем.

Мы не встречались лет пятнадцать. И, несмотря на то, что в этой уже немного грузной фигуре только можно было угадывать бывшего статного спортсмена, несмотря на морщинки, лучиками побежавшие от его глаз, когда он улыбнулся, я сразу его узнал.

— Тот! Тот самый!

— А что со мной делается? — снова улыбнулся он. — А, этот шрам на лбу? — поймал он мой взгляд. — Да, раньше его не было. Следы Гвадалахары.

Вечером, спасаясь от комаров в землянке, он долго рассказывал мне о боях с франкистами в Испании.

— Помню, приехали ко мне однажды советские писатели. Прошел я с ним по переднему краю. Владимир Ставский, высокий такой, грузный, в синем берете, остановился около трупа негра. Рядом лежало еще несколько убитых негров. «Это африканцы Франко?» — спросил он.

«Нет, это мои негры. Американцы из батальона Линкольна», — ответил я ему... «Впрочем, ты сюда не за испанскими рассказами прибыл», — снова улыбнулся он.

И в самом деле, я приехал в дивизию к Лундстрему за другим. Мне намекнули, что она будет наступать.

— У меня все готово, — сказал он, отвечал на мой безмолвный вопрос. — Только сигнала жду. Год топтались на месте. Смотри, какую оборону соорудили. Но, ей-богу, не жаль бросить ее. Лишь бы вперед. Все об этом только и мечтают.

— За чем же остановка?

— А вот. — И Лундстрем разложил карты на валуне. — Видишь, дорога? Видишь, река? А вот мост. Только я начну артподготовку, они по этому мосту две-три дивизии с артиллерией и боеприпасами перебросят. А мне ни одного бойца из запаса не пришлют. Таков приказ. Ну и остановят меня, как только я с места двинусь. Мне бы только два-три дня выиграть. Тогда я верст на семьдесят вперед рвану, до самого берега Кархуйоки доскачу и такую оборону займу, что меня целая армия не выбьет. Но для этого мост нужно на воздух поднять. Понятно? Этого я и жду. Ну, а если у нас будет успех, тогда резервы подбросят. Разовьют его.

— А как с мостом?

— Что я могу тебе сказать! Иду я как-то здесь и слышу разговор разведчиков. Трое их было. Вернулись они из разведки. В точности рассмотрели вражеские позиции: проволоку в семь рядов, надолбы, минные поля, блиндажи, доты, дзоты. И вот первый разведчик говорит: «Такие укрепления нипочем не взять». — «Конечно, не взять, — соглашается второй. — Ну, как их возьмешь?» — «А если приказано будет взять, тогда что? — спрашивает третий. — Да, тогда что?» Они задумались. «Ну, если приказано, тогда надо будет взять», — опять говорит первый. «Тогда обязательно возьмем», — отзывается второй. «Конечно, возьмем», — подтверждает третий.

Лундстрем усмехнулся.

стр. 10

— Вот так и с мостом, я думаю. Поручено партизанам. Отряду Ивана Фаддеевича. Только это невероятно трудно... Да... Я эти места хорошо знаю. В молодости там партию оружия провозил...

И он задумался.

Ночью слышу сквозь сон: зазуммерил телефон.

— Вставай! — радостно кричал Лундстрем. — Мост взорван!

И, как бы подтверждая его слова, начала грохотать наша артиллерия: полковая, дивизионная, батальонная. Грохот распирал уши. От сотрясения воздуха струйками стекал песок по стенам.

Через полчаса первый полк, обойдя противника по болоту, рванулся в наступление. Батарей же приковали внимание врага с фронта...

В этой прорыв была брошена затем еще одна бригада.

Дальше все шло, как замыслил командующий и как растолковал мне Лундстрем. Но даже Лундстрем в те дни не до конца представлял себе, что прорыв дивизии на этом участке только одно из звеньев важнейшего замысла.

Главному командованию стало известно: враги собирают кулак, чтобы нанести удар. Лундстрем закрепился на берегах Кархуйоки и сковал несколько вражеских дивизии, спешно переброшенных с северного участка. Этим он отвел готовившийся удар. Другие финские части, направлявшиеся на Ленинградский фронт, изменили свой маршрут.

Но и Лундстрем и я узнали об этом позже. А в те дни, когда его дивизия уже закреплялась на новых рубежах у Кархуйоки, мы снова сидели на обомшелом валуне, и Лундстрем писал записку командиру партизанского отряда Ивану Фаддеевичу. Он благодарил за то, что так точно и своевременно был взорван мост.

— У меня уставный слог, — сказал он, покачивая головой. — Не получается так душевно, как хотелось бы...

Не случайно припомнилось мне все это. Ведь и приехал я сюда, услышав, что помощник командира партизанского отряда Николай Титов, который вел записи во время походов, теперь здесь секретарь райкома комсомола.

В районе сказали, что он уехал в этот колхоз условиться с прорабом Якуничевым, где расставить комсомольцев, которые завтра из района сюда на воскресник.

— Я тоже был в этом походе, — задумчиво сказал Якуничев.

стр. 11

Однако он был так полон своей сегодняшней работой, что мог рассказывать только о гидростанции.

И, слушая его рассказы, глядя на свежий сруб электростанции, я думал о том, в какое неповторимое время мы живем. Колхозный строй переиначил, поднял, по-новому организовал человеческие души. И я представил себе, как вот такую разрушенную деревню восстанавливали бы крестьяне, работая в одиночку... Грязь... Нищета... У меня мурашки побежали по телу.

Вдруг далеко над озером разнеслось:

— Ло-ось! Ло-ось! Лось!

— Титов идет, — сказал Якуничев и, встав с камня, приложил ладонь ко рту и закричал в ответ:

— Сынок! Сынок!

Мы услышали треск сухих сучьев. На берег неподалеку от свежего сруба вышли трое. Я сразу же узнал среди них Николай Титова. Такой же голубоглазый, с доброй, почти детской улыбкой, льноволосый, каким он был тогда, когда отправлялся в тот знаменитый поход. Только теперь левая рука как-то безжизненно висела у него вдоль тела.

На другой день я получил от него четыре тетрадки, исписанные мелким, убористым почерком. Это была история последнего партизанского похода Титова, написанная им в госпитале.

Глава первая

стр. 11

Я влез на сосну, чтобы проверить, правильно ли мы идем.

Золотистая кора, шелушась, порошила глаза. Свежая, теплая смола прилипала к ладоням. Сухие ветки с легким треском ломались под ногой, и надо было держаться руками за крепкую ветвь, на ощупь отыскивая для ноги опору попрочнее. Осторожно раздвигая колючие ветки, я стал разглядывать окрестность. Сосна, на которую я взобрался, высилась на скалистом холме, и всюду, куда только достигал взгляд, видны были одни вершины — зеленое море, по которому время от времени ветер гнал волну. Наконец далеко слева увидел темно-синюю, поблескивавшую на солнце полоску. Это озеро. Значит, мы не сбились с маршрута. Надо стр. 12 мной проходили облака. Подо мной на сотни и сотни верст шумело зеленое море. Оно шумит здесь от Балтики до берегов Белого моря, переплескивается через Онежское и Ладожское озера... Карельские леса — разве не о них сложены былины и руны? Редкие деревни раскинули на каменистых озерных мысках свои бревенчатые избы. От одной деревни до другой — десятки верст. А карельские версты, как говорит пословица, узкие, но длинные. И сколько сейчас пустых стоит деревень! Народ ушел с армией. Не остался под оккупантами. Это хорошо. Но в пустой, обезлюдившей деревне не достать партизану куска хлеба. Еда наша — только то, что отобьем у врага или что пришлют с Большой земли. Редки когда немцы или финны сходят с дороги в лесную непролазную чащобу. Они устраивают засады. Окружают десантами с самолетов. Патрулируют дороги. Самое тяжелое и опасное — пересекать дорогу... Но ее для спокойной жизни пришли мы сюда. Вот и сейчас наш путь лежит к мосту через Кархуйоки.

— Это приказ фронта, — сказал, напутствуя нас, Иван Фаддеевич.

— Не беспокойся, ребята не собьются на развилке без дорожных указателей, — усмехнулся комиссар и похлопал каждого из нас по плечу.

Сутки мы шли по мелколесью на болоте, сутки по рослому сосняку — и к утру третьего дня добрались до широкой реки Кархуйоки.

Остановились в густом кустарнике, на крутом берегу.

Отсюда хорошо был виден мост (вот он какой!) и противоположный берег, поросший молодым, мелким и частым сосняком. Нам предстояло так пролежать, наблюдая за окрестностями, весь день, чтобы ночью уже наверняка взорвать мост.

На берегу лежали кучи свежих белых круглых стружек, и мне казалось, что я даже вижу проступившие на тесаных бревнах прозрачные капли смолы.

Солнце дробилось в легкой ряби неустанного течения быстрой северной реки. Солнечные зайчики, перебегая, играли на бревенчатых ряжах. Это был большой мост, сто метров длины, и на нашу долю выпало поднять его в воздух.

— Я в жизни три моста строил, — задумавшись, произнес Якуничев, раздвигая кусты, — три дома, а вот и рушить приходится...

Трава была мокрая, вся в росе. Мы расстелили плащ-палатки и легли на них.

— А я ни одного не строил, а рвать буду четвертый, — сказал Павлик Ямщиков. — В последние годы я больше грейдера делал — дорожные машины. Ну да ладно.

Этот круглолицый рябоватый черноглазый парень до войны работал токарем на Онежском заводе.

На первый взгляд в Ямщикове не было ничего особенного, но в отряде славился он своей неукротимой веселостью и ловкостью. И прозвище в отряде мы дали ему — «Дума».

— Да-с, на этом мосту я в мирное время кадрили с девушками танцевал, — сказал Ямщиков, укладываясь поудобнее на плащ-палатке.

— Ой ли? — тихо отозвался командир взвода Иван Иванович. — Ой ли? На этом ли?

Конечно, Павлик не мог танцевать кадрили на этом мосту. Тот, на котором он, может быть, и танцевал в свое время, был взорван партизанами еще зимою. Этот же мост был новый.

По мосту ходил немецкий часовой в металлической каске, и штык его угрожающе поблескивал над новенькими перилами.

По реке на лодках катались женщины в пестрых платьях. В одной из лодок, у руля, сидел мужчина без пиджака, в полосатой рубашке, с ярким красным галстуком. Гребли две нарядные женщины.

Издали доносились обрывки знакомой мелодии.

— Сволочи, нашего «Стеньку Разина» поют, — удивился Ямщиков.

Невдалеке от моста, на зеленом пригорке, виднелись избы с палисадниками.

Деревня эта еще в первые дни войны была покинута местными жителями. Теперь же в ней поселились люди, приехавшие из глубины Финляндии. Было известно, что, кроме строителей моста, в этой деревушке стоит еще взвод охраны... Сегодня воскресенье, но даже и для такого дня слишком уж рано они распелись. Это было поразительно.

— Я пойду и выясню, в чем дело, — сказал Иван Иванович.

— Рискованно...

— Лучше я пойду, — сказал Павлик.

— Ты — Ямщиков, а я Кийранен, — наставительно произнес Иван Иванович. — Кончен разговор. Кайки!

Он был очень упрям — не переспоришь. И любимое его финское словечко — кайки — означало конец.

Из всей нашей группы только Иван Иванович говорил по-фински. И это решило все. стр. 14

Хотя мы и забрались так глубоко в тыл врага, что вряд ли нас здесь ждали, затея была очень дерзкая. Но таков уж наш Иван Иванович. Худощавый, невысокий, с длинным носом, с длинными, под скобку стриженными рыжеватыми волосами, на вид тщедушный и немного робкий, на самом деле он человек неожиданных решений, невероятно настойчивый и смелый.

Медленным и как будто даже ленивым движением Иван Иванович стянул с себя гимнастерку. Оставшись в тельняшке, он засучил рукава и неторопливо, с развальцей пошел вниз к речке по крутому склону, перестревшему желтыми огоньками чистотела. И неожиданно для нас вдруг нагнулся и стал собирать цветы.

«Для чего ему это?» — подумал я.

Собрав букетик из собачьих дудок и чистотела, Кийранен продолжал спускаться по склону. На ногах у него были старые сапоги из сыромятной кожи с загнутыми носками — лапикат.

Еще наверху, лежа на плащ-палатке, он высмотрел среди прибрежных кустов и высокой осоки челнок. Оттолкнувшись от берега единственным веслом, Кийранен повел его против течения. И хотя издали казалось, что гребет он нехотя и с ленцой, челнок быстро шел к мосту. Павлик Ямщиков и Якуничев вели дула своих винтовок вслед за движением челна.

Все мы были охвачены одним чувством, каждый понимал свою задачу без всяких приказаний. И все же сердце отчаянно билось, и невозможно было оторвать взгляд от широкой спины Ивана Ивановича.

Даша, прикорнувшая было на плащ-палатке, теперь тоже следила за ним, даже на коленки привстала. Рот у нее полуоткрыт... Эх, Дашенька!

Иван Иванович достиг моста.

К его челноку вплотную подошла лодка. И мы отсюда отлично видели, что женщина что-то говорит ему.

— Я беру на себя кормщика, — сказал Ямщиков и стал целиться в мужчину, который сидел у руля.

Но разговор был, по всей видимости, мирный, потому что Иван Иванович вдруг взял с кормы сорванный им цветок чистотела и ловким движением бросил в лодку. Женщина на лету подхватила цветок и прижала в груди. Мужчине, видимо, это не понравилось, он резко повернул лодку и повел ее к берегу...

— Ой, выдаст, — прошептала, томясь, Даша, — выдаст.

стр. 15

— Бить? — спросил Ямщиков.

— Погоди, успеешь. — Я с трудом удерживался, чтобы не выстрелить.

И в самом деле, следовало повременить, потому что мужчина недалеко от берега резко развернул лодку и пошел теперь против течения.

Но что это? От домиков, стоявших у опушки, отчеканивая торжественный шаг, взметая пыль, по дороге шли немецкие солдаты. Больше роты. Они шли к мосту. Что бы это могло значить?...

Я тоже поднял автомат. Если они готовятся окружить нас и другая рота отрезает отход, то, может, лучше сейчас перестрелять десяток-другой немцев, а потом отскочить в лес... Но тогда мост останется невзорванным... Нет. Таким парадным шагом не выходят на операцию.

И Иван Иванович все так же медлительно и равнодушно поворачивает свой челн к берегу, вытаскивает его на песочек, а затем садится на камень, на лужайке около моста, закидывает ногу на ногу и привычными жестом вытаскивает из глубокого кармана шелковый кисет. Затем так же спокойно набивает трубку.

Люди, сидевшие в лодке, перестали грести и смотрят на мост.

Над рекой гремит полковой оркестр, щедро разбрасывая далеко по окрестным лесам звуки немецкого военного марша.

Солдаты выстраиваются по обеим сторонам настила. Две шеренги с каждой стороны.

— Слава богу, слава богу, гребет обратно, — шепчет Даша и счастливо улыбается. Лоб ее усеян крупными, прозрачными росинками пота.

Иван Иванович в своем челноке так же нарочито медленно плывет обратно. Течение попутное.

А на мосту тем временем появился серый легковой автомобиль с открытым верхом.

Высокий офицер вышел из машины и, пройдя по доскам настила, подошел к тонкой ленточке, протянутой поперек моста, и разрезал ее. Бумажная ленточка, взвиваясь в воздухе, упала на доски.

Солдаты закричали: «Хайль!» — медленно прошли по мосту. За ними бежали деревенские босоногие мальчишки...

Иван Иванович спрятал челнок на старое место, прошел по бережку дальше и подошел к нам.

Я взглянул на Дашу, и мне показалось, что щеки ее порозовели. Надо будет поговорить с ней после. стр. 16

— Это у них приемочная комиссия работает, — сказал Иван Иванович.

— Ничего, мы тоже примем мост, — отозвался Душа.

Мост было решено взорвать ночью.

«Хорошо бы еще и офицера захватить, но черт его знает, в какую сторону он поедет. Если влево, то там, в трех километрах отсюда, у дороги, сейчас сидят Шокшин и Аня Олави. Шокшин должен взорвать высоковольтную передачу. И сигналом ему будет взрыв моста. Затем они, так же как и мы, должны уходить на базу.

Только зачем пустили в эту операцию Аню? Мало ли что сама просилась...

Если же офицер поедет вправо, то здесь так далеко от линии фронта, что немцы совсем нас не опасаются...»

И я сообщил возникший у меня план Ивану Ивановичу. Он согласился со мной, и нам оставалось только ждать, пока наступит эта летняя, робкая и быстрая, словно не уверенная в себе, ночь, когда почти так же светло, как в пасмурный день, и только всё — и люди и вещи — перестает отбрасывать тени.

День был жаркий, комары нещадно жалили, мы лежали на плащпалатке, и время томило нас своего медлительностью. Но все же наступил вечер.

Мы слышали, как прозвучал рожок отбоя.

Когда немного стемнело и в селении все стихло, на мосту осталось только двое часовых. Они шагали рядом из одного конца в другой. Темные силуэты плавно передвигались, словно плыли над перилами, и над нами вставало высокое, просторное, прозрачное и многоцветное небо.

Я не знаю, какими словами можно описать невообразимые краски заката на нашем северном небе! Чем бы я ни был занят, куда бы я ни спешил, я не могу не остановиться, увидев вечернее небо. Багровые и алые, шафранные и серые, сиреневые и, ей-богу, совсем зеленые, и снова прозрачные, как голубое пламя, тона спутались так, что даже не уследить, где кончается один и возникает другой... И когда смотришь на такое небо, на душе делается торжественнее. Эта красота меня никак не разоружает, а, напротив, ожесточает... Такое небо, небо моей родины, — и я не могу встать во весь рост и смотреть на него свободно, а должен ползти в этой густой траве, и прятаться, и бояться, что вдруг заметят... И я вижу эти темные фигурки, шагающие по мосту, словно они заводные и внутри у них пружина. стр. 17

У меня на душе становится горько, и я хватаюсь за автомат.

«Погоди, рано еще... Часок-другой потерпи», — уговариваю я себя.

Ямщиков тоже смотрит на небо и, не зная, как выразить то, что переполняет его, шепчет:

— Вот это небо так небо... Маскировочка-камуфляж — первый сорт.

Мы подползли к мосту и залегли неподалеку в кустах.

Теперь только остается ждать, когда часовые подойдут поближе к нам.

Это хорошо, что они идут вместе. Сразу возьмем.

И вдруг, словно удар хлыстом по уху, — близкий винтовочный выстрел.

Часовые на мосту не стреляли. Я это отлично видел. Я не сводил с них глаз. Значит, это выстрелил кто-то из партизан. Пусть даже случайный выстрел, но он предательский. Однако кто же это провалил операцию? Кто? Ямщиков? Даша? Иван Иванович? Чирков? Якуничев? Нет, никто из них не может быть предателем. Разве что Якуничев. Я его меньше знаю, он с Зимнего берега. Не успел я это подумать, как сразу заметил, что часовые нисколько не встревожились... Наоборот, они пошли по мосту, отчеканивая шаг, как на параде.

Навстречу им, так же четко чеканя шаг и взмахивая рукою выше пояса, шли три солдата.

У меня сразу отлегло от сердца: конечно, этот выстрел — обычный у немцев сигнал при смене ночных караулов. Ну да, значит, все в порядке...

Приклады стукнули о доски настила. Пост был сдан.

И снова на мосту остались двое часовых.

Они только заступили на мост — значит, раньше, чем через час-полтора, их проверять не станут...

Мы подползли еще ближе.

Павлик шепнул мне:

— Спутнику агитатора (так называет мой автомат) будет работа.

Часовые были теперь в пяти шагах от нас... Они повернулись и пошли обратно, и вот тут-то поднялся во весь рост Иван Иванович. Это было сигналом.

Чирков и Якуничев бросились за часовыми. Те обернулись, но, прежде чем успели вскрикнуть, каждый из них получил такой удар прикладом по каске, что без чувств свалился на доски моста. Глухо звякнули винтовки. Тот, кого ударил Ямщиков, свалился через низкие перила вниз, на камни под мостом. Он был живуч, зашевелился, приподнялся на локте и замычал что-то несвязное. стр. 18

Ямщиков не дал ему досказать. Бесшумно метнулся он к часовому, и через мгновение тот умолк.

Якуничев и Чирков закладывали взрывчатку под свежие, терпко пахнувшие смолой сосновые строила.

Иван Иванович копошился около воды на бревенчатых ряжах.

— Ну, Даша, за дело.

Мы бросились на дорогу. Я выкапывал шанцевой лопатой лунки для мин, а Ямщиков закладывал в них двухсотграммовые толовые шашки. Даша присыпала мины мягкой землей.

На одной линии поперек дороги мы заложили четыре заряда. Через пять минут все было готово.

Мы отошли в кусты. И тогда я взглянул на мост. Сейчас он был так же пуст, как и дорога. Словно здесь только что не ходили немецкие часовые...

На этот раз нам действительно везло...

Через полчаса после того, как мы заняли нашу позицию за кустами можжевельника, у обочины раздалось урчанье автомобильного мотора.

Я переставил рычажок автомата на стрельбу очередями, чувствовал, как волнуются рядом Даша и Павлик, но странно: меня их волнение только успокаивало. Все в порядке.

Автомобиль въехал на мост. Я его не видел. До меня доносился ровный приближающийся гул мотора, шелест эластичных шин по доскам настила, но я всем своим существом точно знал, где находится машина, где проходит, гораздо точнее и лучше, чем если бы даже видел ее своими глазами. Не знаю, понятно ли это будет кому-нибудь другому, но это так.

В машине сидели, наверно, очень удачливые люди — шоферу, ничего, видимо, не подозревавшему, удалось провести автомобиль так, что колеса его не коснулись взрывчатки. И не будь нас в двадцати шагах от этого места, машина с ее пассажирами проскочила бы невредимой.

Но мой автомат заработал. Ямщиков тоже опустошил весь магазин своей самозарядки.

Машина вильнула и повернула к кустам, уперлась передними колесами в стенку кювета и заглохла.

Ямщиков распахнул переднюю дверцу... Водитель лежал, склонив голову на баранку. Рука его сжимала тормоз. стр. 19

Павлик быстро сорвал планшет и полевую сумку с офицера, сидевшего рядом с шофером. Я стал снимать полевую сумку с другого убитого. Торопясь, я дернул и оторвал ремешок. Тело офицера сползло на пол. Затем на землю, неподалеку от машины, я положил листовку «К немецким солдатам». В эту минуту раздался взрыв, затем второй, третий, и так подряд семь взрывов.

Отскочив от машины, я взглянул на мост. В полутьме видны были взметенные вверх, перекоренные доски настила, бревна устоев.

Высокого разбрасывая брызги, шлепались в черную и холодную воду реки деревянные балки. Павлик уже поджигал машину.

Теперь надо было скорее уходить...

Мы быстро шли по лесу в молчании, каждый думал о своем, и лишь сухой валежник хрустел под сапогом.

И вдруг раздался частый звонкий стук, словно кто-то бил железным молотком по стальному рельсу.

Ясно, это был условный знак...

Возможно, что с соседнего гарнизона немцы уже идут, чтобы отрезать нам путь отхода. Мы-то еще пробьемся. А вот как Шокшин и Аня...

В эту секунду я услышал еще один отдаленный взрыв, по которому томилась моя душа, и успокоился: значит, там, у Ани и у Шокшина, тоже все в порядке...

Через полчаса мы встретились в лесу с теми, кто взорвал мост.

Торжество было полное: мост взорван, офицеры убиты, документы захвачены.

— А все же наша приемочная комиссия поработала с большим результатом, чем ихняя, — лукаво улыбаясь, сказал Павлик.

— У тебя, Иван Иванович, — укоризненно проговорила Даша, — опять не получилось чисто. Вместо одного — семь взрывов.

— Да, уж это как-то не получается у меня, — виновато ответил Иван Иванович, отвода протянувшуюся к лицу ветку.

— Оно и к лучшему, — сказал Якуничев. — Мне самому сперва показалось, что бомбежка началась. А им-то, фрицам, в лес, в щели. А пока разберутся, в чем дело, нас и след простыл.

Так вот что означал этот резкий и пронзительный звук! Он был сигналом воздушной тревоги. стр. 20

Птицы проснулись и защебетали...

— Это зяблик завел, ишь как заливается, — снова заговорил Якуничев. — А это вот оляпка, а это полозень, а это плиска. Нет, ошибся, — смущенно улыбнулся он, — сорокопут, а не плиска...

Я взглянул на него. Он был высок и плечист. Недавно отпущенная борода завилась густыми льняными колечками. Ладонь этого великана вдвое больше моей, а я никак уж не мал ростом и не слаб. Его смущенное и немного виноватое лицо было так по-детски трогательно, что мне еще раз стало неловко за то, что я мог заподозрить его в нехорошем.

Мне хочется как-то загладить свою вину перед ним, и я говорю ему:

— Представь себе, я тоже подумал сначала, что это плиска... Но ты прав — это сорокопут...

— Ну да, — говорил он, — ошибиться ведь, пожалуй, каждый может.

И мы идем дальше гуськом. Первым, конечно, Янкуничев, раздвигая всем телом ветви, напрямик. Он в самом деле похож на лося. Недаром ему дали это прозвище. У ручья он останавливается и вопросительно смотрит на командира.

Иван Иванович, разувшись, ступает в холодную воду. Вслед за ним мы тоже снимаем сапоги и идем по песчаному руслу быстрого ручья. Ноги леденеют, но надо сбить ищеек со следа.

За плечами висят и ударяют по спине грязные сапоги, тугие полевые сумки тянут вниз. До привала, который будет, когда солнце достигнет зенита, еще часа три, а после тревог вчерашнего дня и прошедшей ночи очень хочется спать. Глаза слипаются. Но свежесть ручья прогоняет сон.

Позади меня идет Даша. Странно, что может быть у нее с Иваном Ивановичем. Она ведь грамотнее и моложе. Когда комплектовали отряд, мы считали, что Иван Иванович староват для партизанской войны в карельских условиях. Не вынесет. Сорок один год. Шутка ли! И хотя он работал сызмальства лесорубом, сплавщиком в здешних местах и знал наизусть каждую тропку, все-таки решил его эвакуировать.

Но он пошел к секретарю райкома и стал требовать, чтобы его записали в партизаны. Не может без него воевать отряд, да и только.

— У меня с шюцкоровцами особые счеты! — горячился Иван Иванович.

Так стал он в отряде рядовым бойцом и еще в августе первым из партизан нашего отряда убил фашиста. стр. 21

После первого похода его назначили командиром отделения, после шестого — командиром взвода. Конечно, он был отважный партизан, но все-таки, по-моему, не пара Даше.

— Даша, — говорю я тихо, — я уже давно хотел объясниться с тобой. Ты сейчас в состоянии слушать и понимать разумные слова?

— Если ты в состоянии говорить их, то почему же я не в состоянии слушать? — Она недоверчиво пожимает плечами.

По этому жесту я понимаю, что она знает, о чем пойдет речь.

— Я буду откровенен.

Мы с ней дружили и спорили еще и до войны. Но это дело прошлое. Да и вообще, какими далекими кажутся те дни, когда меня, молодого учителя, только что окончившего педтехникум, избрали секретарем райкома, а ее, заведующую библиотекой, членом бюро райкома. Мне сейчас трудно припомнить, о чем мы так часто спорили. Но девушка она, конечно, с норовом... Когда и я, и Шокшин, и все бюро ушли в партизанский отряд, мы командировали ее в ЦК, в Петрозаводск, чтобы сдать все документы и печати райкома. Думали, что она останется там, в тылу, но она вернулась.

Я замедлил шаг, чтобы пойти с ней рядом. Шли мы по руслу, против течения.

И даже сейчас, в заплатанных грубых мужских шароварах, с рваными сапогами за плечами, усталая, исхудавшая, Даша была красивая. Рыжеватые пушистые волосы ее сияли и словно сами излучали свет. В глазах теплились золотые огоньки.

Даша подняла руку и поправила вколотый в волосы цветок чистотела.

— Нехорошо, по-моему, что ты водишься с Иваном Ивановичем, — сказал я.

— Ты ничего не понимаешь!

— Ты его любишь...

— А разве его нельзя любить?

— Да он... похож на узловатый сосновый корень, вырванный бурей из земли. Да и потом он стар для тебя...

— Ты, Титов, ничего не понимаешь!

— Но ты подумай о себе и о своем будущем... За его плечами большая прожитая жизнь... А у тебя все впереди. Начинать надо с равным, чтобы получилась общая жизнь.

— Что ты, Коля, об этом знаешь? Если бы в прежнее время зашла об этом речь, то я тоже рассуждала бы так, как ты сейчас. Мы многого не понимали. Когда полюбишь, то никакой проблемы нет... Любишь — вот и все тут.

— Это чисто женская логика.

— Что же, я, наверное, женщина, — улыбаясь, сказала Даша. — Я люблю его, и тебя это не касается.

— Но у него теща есть.

Иван Иванович был вдовцом, и вместе с ним жила мать умершей жены...

— Мы с ней поладим.

— А потом, — сухо и официально сказал я, — товарищ Кормщикова, я боюсь, что это мешает тебе. После войны — другое дело.

— Настоящая любовь помогает. И мне жалко, что ты этого не понимаешь. Почему ты так придирчив к Ане Олави? Зачем так строг с ней всегда? — усмехаясь, спросила Даша. — Ведь между вами всего три года разницы. Неужели потому, что она тебя любит?...

— Да, ты с ума сошла! Аня меня любит? Откуда ты взяла?

Я был возмущен ее словами, но в глубине души очень доволен.

Мы вышли из ручья и начали наматывать портянки.

Даша сидела рядом со мной на камне. Мне почему-то хотелось, чтобы она продолжала разговор.

— Разве ты не знал? — изумилась она. — Ну да, конечно, Аня девушка гордая...

Я молчал. Какая-то птица пела, я не знаю всех птиц. Это только чтобы сделать приятное Якуничеву, я сказал про сорокопуга.

Солнце припекало.

— Помнишь, под Новый год, вечером, ты встретил на озере, на льду, Аню и Катю. Тогда была метель...

И я вспомнил. Я торопился на вечеринку и, чтобы не опоздать, пошел через озеро навстречу ветру, который швырял в лицо и в грудь влажные хлопья снега. Вблизи от берега стояли темные двухэтажные новые дома. Яркими квадратами врезались в черноту ночи освещенные окна. От них тянулись лучи света, и видно было, как в этих лучах кружатся, падая и снова возникая, неисчислимые снежинки... В домах пели, звенела музыка, и все это приглушенно вырывалось на зимний ветренный воздух. И вдруг вблизи на озере я увидел две темные фигуры. Я подошел к ним. Это были Аня и Катя. Они смутились, а потом рассмеялись звонко, весело.

Я шел из дома Ани. Приходил к ее матери Эльвире Олави попросить, чтобы она на комсомольском собрании рассказала про знаменитое восстание лесорубов в Финляндии холодной зимой двадцать второго года. Восставшие перешли границу и пришли к нам, в Советскую страну. Эльвира с семьей была среди них. Потом муж ее стал директором леспромхоза в нашем районе. В тридцать четвертом году на сплаве он попал в порог, пенистый поток завертел его и разбил о камни. Эльвира осталась с тремя дочерьми — Хелли, Нанни и маленьком Аней. Хелли давно уже вышла замуж в Петрозаводске, с Нанни я учился в одном классе. После школы Нанни поступила в институт Лесгафта в Ленинграде, и я очень обрадовался, когда узнал, что в дни финской войны она была разведчицей-лыжницей и получила медаль «За отвагу». Эльвира теперь заведовала колхозной молочной фермой. И хотя она плохо говорила по-русски, я хотел, чтобы она выступила на комсомольском собрании и рассказала о походе, который кто-то назвал снежным потоком. Докладчиком был Шокшин. Он говорил о рейде Антикайнена и о том, почему каждый комсомолец должен уметь ходить на лыжах... Шокшин, готовясь к докладу, ездил в Петрозаводск и встретился с недавно освобожденным из фашистской тюрьмы Тойво Антикайненом.

— Понимаешь, — рассказывал мне Шокшин, — он не такой, как в фильме. Он теперь почти совсем лысый. Волосы у него выпали в тюрьме. Во время финской войны лахтари нарочно расставили зенитные орудия около здания тюрьмы в Улеборге, чтобы наши самолеты разбомбили тюрьму, где томились заключенные финские коммунисты и Тойво Антикайнен. Наши самолеты, точно выполняя приказ, бомбили только железнодорожный мост, по которому фашисты получали помощь.

При бомбежке во многих домах вылетели стекла. Разбились стекла и в камере Антикайнена. А это было в январе. Помнишь, какие стояли морозы. Сорок градусов, а окно разбито. В камере отчаянный холодина. Антикайнен требует: «Вставьте стекла». А они отказываются: «Ваши же красные самолеты бомбили. Вот если вы подпишете протест против действий советской авиации, тогда не только новые стекла вставим, но в камеру с мягкой мебелью и порционными блюдами переведем». Тойво был взбешен, он послал их ко всем чертям. А в камере — пар изо рта. Руки и ноги леденеют. С утра до ночи, чтобы не замерзнуть, Тойво бегал по камере. А знаешь, как его держали? Боялись, чтобы ни с кем связи не завязал. Снизу, сверху, слева, справа от его камеры другие камеры были пусты. Два запора было на дверях его камеры, и ключ от каждого находился у другого тюремщика. Так что входить к нему по одному было невозможно. Один надзиратель контролировал другого. И вот так ходил он по камере. Продрог до костей. Посинел. Сил не хватает. Его спрашивают: «Подпишешь?» — А он говорит: «Да здравствует советская авиация!» И гонит их из камеры. Вторые сутки по камере ходит. Валится с ног. Руки и ноги распухли. Душит кашель. К концу третьих суток лахтари вставили стекла. Если бы он погиб в камере, была бы широкая огласка. Но после этого Тойво облысел... А как он героически вел себя на суде!

стр. 24

Да, Леша был готов к докладу. А теперь я должен уговорить Эльвиру. Она очень не любила выступать на собраниях.

В комнате ее уютно и тепло. Помню, на стене были развешаны фотографии: группа участников похода с оружием в руках. Эльвира с мужем в высоких кенгах, совсем молодая, так похожая на Аню. Немного выше Зорька — корова-рекордистка. А рядом с голубой чашечкой на комодке стояла небольшая любительская фотокарточка Ани в свитере, в лыжном костюме, с тающим снегом на непокорных волосах. Не знаю, почему мне так запомнилась эта фотография.

— Что же ты молчишь?... Так вот, девочки в тот вечер вышли на озеро гадать. В ту сторону, откуда залает собака, суждено выйти замуж. В тот вечер собаки, как назло, молчали. А тут ты сам, собственной персоной, тот, кто загадан...

— Предрассудки, ерунда.

К нам подошел Иван Иванович.

— Вот, Иван Иванович, — сказал я, желая осрамить Дашу, — она тут разную мистику разводит насчет гаданья.

— Это смотря какое гаданье, — задумчиво сказал он, — некоторым так я очень верю. Вот Даша мне нагадала, что в этом походе я сведу счеты с одной шюцкоровской сволочью. Так я в это крепко верю...

— А какие это счеты?

— Старые, с двадцать второго года. Мне тогда в первый раз сапоги сшили. Не донашивать дали, а специально для меня. Это понимать надо. Думал, весной в них на первый сплав пойду. А тут в деревне Эйно и Арви Мякинен жили, кулацкие сынки, будь они прокляты. Карельская авантюра, видишь ли, провалилась, так они решили в Финляндию убежать, воры проклятые. Они меня на дороге за околицей встретили. «Снимай сапоги!» Я ничего не понимаю. Повалили меня, стащили с ног новые сапоги и ушли. Я домой по талому снегу в одних портянках пришел — и на печь. Перед отцом с матерью стыдно. Обидно, хоть плачь. Новых сапог год ждать. Ровесники на сплав в сапогах пойдут, а мне в лаптях или опорках щеголять по-прежнему. Вам этой обиды не понять. О, как я возненавидел это шюцкоровское отродье, хотя никакой политикой не занимался. Ну, а когда вырос и узнал, что они не только у меня сапоги украли, а хотят ограбить весь наш народ, я возненавидел их до смерти. А эти братцы еще заплатят мне по счету сполна — и кайки, — окончил свой рассказ Иван Иванович и распорядился: — Здесь будет большой привал!

Большой привал — спать до ночи. Только вот жаль, что нельзя досыта поесть.

Глава вторая

стр. 25

Скоро высотка, у подножия которой расположился штаб отряда. Об этом свидетельствовали наши ноги. В начала войны они никак не могли разобратся в расстояниях, небольшие переходы казались им огромными. Теперь же на их показания можно было положиться. Впрочем, и сосущая пустота в желудке настоятельно твердила: сейчас должна быть база.

Мы, вероятно, запаздываем, у нас был самый дальний маршрут. Другие группы, наверное, уже пришли на базу и ждут нас. Быстрее! Быстрее!

На сердце было радостно: есть о чем доложить командиру! Рука тянулась к тяжелым кожаным офицерским сумкам.

Вот за ой, высокой, расщепленной грозой сосной — большой валун, занесенный сюда еще ледниками, а за валуном должна быть видна и река; от нее по лесистому крутому берегу, поросшему березняком, надо пробираться около пяти километров. Так и есть. Мы вышли к реке, и тут Иван Иванович вдруг остановился и в раздумье стал глядеть на реку, которая, спотыкаясь и пенясь на порогах, бежала по каменистому руслу.

По течению, медленно поворачиваясь, поблескивая гладкими скользкими боками, плыло длинное бревно. Но это было не случайное, заблудшее, одинокое бревно, — нет, по реке шло много бревен.

Иван Иванович обрадовался:

— Сплав. Идем быстрее!

стр. 26

— Вот тебе и на! — сказал Душа, присвистнув. — Ведь река течет в нашу сторону. В Белое море, в Россию. Кто же станет здесь лес сплавлять? Ты что, финнов дураками считаешь? — спросил он.

— Молодец! — восхищено сказал Иван Иванович, не обращая внимания на вопрос Ямщикова. — Вот это я понимаю! Когда началась война, — обратился он к Якуничеву, — здесь на берегу остался лес, не успели сплавить. А теперь наши сплавляют его под самым носом у лахтарей. Из

конюшни конокрада коня выводят. Молодцы! Я так и думал! Ну, идем быстрее.

— Немыслимое дело! Оно и понятно, — весело сказал Якуничев. — Вот так и меня всегда на рыбный лов тянет.

Иван Иванович торопился. Старому лесорубу хотелось сегодня хоть немного поработать так, как он работал в мирное время. Руки и сердце его тосковали по привычному, необходимому для жизни человека труду. И притом, кому из нас не было известно, что лесозаводу, выполнявшему заказы фронта, угрожала остановка из-за нехватки сырья — леса. Река же эта несла сплав прямо к запаням лесозавода. Мы ускорили шаг.

Переваливаясь через камни, сшибаясь в стремнинах, по реке шли бревна. Одно остановилось у берега, уткнувшись тупым торцом в корягу, торчавшую из воды.

Иван Иванович быстро спустился и оттолкнул бревно ложей автомата. Нехотя оно отошло от берега и, медленно покачиваясь, поплыло по реке.

Теперь я шел впереди. Позади меня Даша и догнавший нас Иван Иванович.

— Сейчас мы узнаем, как сработали Шокшин и Аня, — сказала Даша.

Признаюсь, мне было очень приятно думать (если только Даша сказала вчера правду), что Аня любит меня... Какая она умница!

Уезжая после каникул в техникум, я спросил ее, кем она хочет быть. «Капитаном парохода», — ответила Аня. А еще через два года, перед самой войной, сказала, что хочет быть инженером-текстильщиком... «Люблю пестрые платья и материи», — и весело рассмеялась... Какие хорошие у нее глаза! Синие-синие. Гладкие подстриженные волосы — темно-русые. Мне немного не по себе, когда мы остаемся с ней вдвоем... Правда, почему я всегда придираюсь к ней из-за всякой мелочи, которую простил бы другому человеку?... Один раз при всех сделал ей выговор и чуть ее довел до слез. Потом хотел смягчить разговор, но неудобно — рядом люди. Надо сдерживать себя. Но мне кажется, это не то чувство, о котором говорила Даша... Да и стыдно было бы — я ведь как-никак уже учитель, а она еще ученика. И потом хорош же я: сделал выговор Даше, а сам... И в эту секунду я действительно убедился, что такие мысли отвлекают от войны, от настоящего дела. Поглощенный ими, я чуть не столкнулся с бородатым человеком, внезапно выступившим из-за ствола березы. Я схватился за автомат.

стр. 27

— Ну и сынок, не признал, — услышал я знакомый голос. Это был мой отец. Он стоял в сторожевом охранении.

Я очень люблю отца, о многом с ним можно поговорить, посоветоваться. Чего только он не знает, чего только не умеет! Но я терпеть не могу, когда он при всех называет меня сынком. Мне сначала казалось, что это может подобрать мой авторитет.

Как-то случайно я услышал разговор Кархунена, нашего комиссара, с отцом по этому поводу.

— Как-никак, а ведь он мой помощник по комсомолу, — говорил комиссар.

После этого разговора отец два дня называл меня «товарищ Титов». Потом забыл, и вот теперь так и зовут в отряде — «Сынок», даже те, кто моложе. Впрочем, это не хуже, чем «Душа», «Лось» или «Последний Час» — так с легкой руки Ямщикова весь отряд называет нашего радиста. Он все время злился на Ямщикова за это, но и ему пришлось примириться со своим прозвищем.

— Трофеи принес, сынок! — радуясь тому, что видит меня, сказал отец. — Вот и хорошо. Ждут вас. Уже все пришли...

— Как с продуктами? — спросил Душа.

— Когда самолет сбросит, тогда и будут, а на сегодня все съедено... Подчистую...

— А как со сплавом? — перебил его Иван Иванович.

— Работают, улыбнулся отец, — на нормы не глядят.

— Послушай, Титов, — подозвал меня Иван Иванович, — пойдешь к командиру и доложи о нашей операции. Ты не хуже меня знаешь. А мне время даром терять нечего. Давно я не работал. Как бы не заржаветь.

Я подошел к шалашу командира. На камне рядом со шалашом сидела незнакомая горбатая старуха. Она посмотрела из меня равнодушными глазами. Губы у нее все время шевелились, словно она что-то жевала.

— Что за птица? — спросил я у стоявшего на часах Жихарева. Сам он был чуть выше своей винтовки. стр. 28

— Предательница. Ее группа Матти Ниemi привела.

С группой степенного канадца Ниemi участвовала в операции и Катя.

Катя эту старуху выманила в лес. Трех в деревне из-за нее расстреляли. У, гадина!

Старуха сидела и непрерывно шевелила губами, ни на кого не глядя.

— Можно?

— Войди!

Странно, что такой высокой человек, как Иван Фаддеевич, умещается в этом маленьком шалаше. Там была Катя.

Когда я, нагнувшись, заглянул в шалаш, она что-то взволнованно рассказывала командиру. Такая же, совсем такая, как и в школе, — белобрысая, с тоненькими косичками, которые смешно подпрыгивали, когда она играла в волейбол. В ней как-то по-особенному всегда сочетались шаловливость и стыдливость.

В первые дни войны на занятие медицинского кружка врач принес анатомические таблицы, на которых изображалось человеческое тело. Катя, а за ней еще несколько девушек вспыхнули, с возмущением отвернулись от этих таблиц и стали смотреть в окно. Как врач ни бранил их, ничто не помогало.

— Как не стыдно, — чуть не плакала от обиды Катя.

Тогда вызвали меня, как секретаря райкома, и я объяснил девушкам, что здесь никакого срам нет, это наука, и, не зная устройства человеческого тела, они не сумеют оказать первой помощи пострадавшим.

В походах Катя не утратила своей милой стыдливости, но ко многим вещам стала относиться гораздо проще.

— Как мост? — спросил меня командир, прерывая беседу.

— Взорван!

Иван Фаддеевич облегченно вздохнул.

— Ну, что ты остановилась? Продолжай, — кивнул он Кате.

И Катя продолжала:

— Первый раз в жизни с фашистом за одним столом сидела. Не поверите, сердце замерло, так страшно-страшно стало. Я сидела лицом к двери за столом. Самовар кипел. Со стариком и старухой разговор вела... А у них на постое унтер-офицер. Они мне рассказывали про Пекшуеву и про все, о чем я вам уже доложила. Вдруг стукнула щеколда — я вся вздрогнула, в горницу вошел унтер. Не старый еще, с усиками. Подошел к столу, взглянул на меня, отодвинул табуретку и сел рядышком.

«Ну, — думаю, — погибла». В сердце пусто будто стало, ноги как ватные.

«Это моя племянница, — сказал хозяин. — Спасибо, не забыла старика, пришла навестить за восемьдесят километров».

А хозяйка наливает чай и ставит чашечку перед унтером. Начал он чай пить вприкуску и посматривает на меня... Я в тени сидела, а руки на столе, на свету лежали. Вот я потихоньку руки-то со скатерти и убрала

под стол. Будто хоть немного от чужого глаза скрылась — спряталась. Он ничего злого не сказал, а только спросил старика:

«Где свою племянницу спать положите?»

«Вот здесь, на лежанке у печки», — объяснил ему хозяин.

А я в кармане гранату сжимала. Ежели подойдет... Ну, спать я там, конечно, не стала, как только он вышел, сразу с хозяевами распростилась.

— Ты посмотри, что только при себе эта горбунья носила, — сказал Иван Фаддеевич и протянул мне ладанку. — А ты, Катя, иди отдыхай.

И Катя вышла, хотя очень хотелось услышать мой доклад.

В моих руках был кусок бересты, сложенный вчетверо в виде конверта. Я осторожно раскрыл его. Там были лягушечьи сушеные кости, несколько старых финских кредиток с изображением коров и новеньких, с голыми женщинами.

— С том минуты, как взяли ее, ни слова не говорит. Ни бе ни ме. Вредная старуха — все тропы немцам указывала... Сын у нее в двадцать втором году за границу убежал. Нынче нашелся, посылку прислал. Ну, теперь выкладывай свое.

Во время моего доклада командир раскрывал одну за другой принесенные мною полевые сумки и высыпал оттуда себе на колени письма со штемпелями полевой почты, маленькие глянцевитые семейные фотографии, бумажки, записки, карты... Над одной из них он вдруг застыл, затем перевернул ее, осмотрел, написано ли что-нибудь с оборотной стороны. Но там ничего не было.

— Так-с, так-с, — сказал он с удовлетворением, побрякивая, словно только что пропустил стаканчик горячего, до которого был охотник. — Так-с, так-с, — повторил он, еще пристальнее вглядываясь в карту, аккуратно исчерченную синим, красным, ярко-желтым.

Рядом с цветными кружками были начерчены топографические условные значки и стояли тщательно выведенные цифры. стр. 30

— Да ты, я вижу, Титов, сам толком не понимаешь, какие документы вы добыли... Им же цены нет! — И, звонко, весело, чуть не по-детски расхохотавшись, он дружески опустил на мое плечо руку.

Ну и тяжела же была его рука! До сих пор, кажется, плечо болезненно чувствует ее прикосновение. Что же должен почувствовать тот, к кому эта рука прикасалась не дружески, а в пылу схватки?

— Здесь указаны все гарнизоны с их численностью на вчерашний день, наблюдательные посты, полевые запасные аэродромы и, кажется,

резервные артпарки. Надо скорее доставить бумаги в штаб фронта. Видишь подпись: «Подполковник Лалука». Его наши партизаны еще с 1922 года помнят. Жалко, что тогда такого зверя не прикончили. Ну, да и он партизан запомнил. Из-за того, что с ними в переговоры вступал, все еще в подполковниках ходит. А то бы уже наверняка генералом был. Теперь наверстывает. Мстит. Жалко, что у Последнего Часа аккумуляторы на исходе. Ну, да не позже чем завтра сбросят новые, вместе с едой... Это отличный поход... Семьдесят три фашиста уже уничтожено. Но главное — моста у них теперь нет. Ты сейчас даже не понимаешь, как это важно. Это не просто мост. Три раза фронт запрашивал о нем... Торопил. А теперь ответим: «Все в порядке», — с удовлетворением сказал Иван Фаддеевич, и в голосе его зазвучало беспокойство: — А где Иван Иванович?

— К сплаву бросился.

— Все одно что комиссар. Их хлебом не корми, только дай в лесу поработать. Руки сами к лучковой пиле тянутся. — И он вдруг замолчал.

Внимание его привлекла бумажка, которую он раньше не заметил. Теперь Иван Фаддеевич внимательно, словно по складам, читал, и чем больше он вникал в смысл написанного, тем серьезнее и мрачнее становилось его лицо.

Около шалаша послышались голоса Шокшина и Ани. Хрустнула под ногою ветка.

— Можно войти?

— Входите, — отозвался командир.

Но в шалаш вошел, пригнувшись, только мой дружок Шокшин.

Аня заглянула внутрь и, увидев меня, тихо сказала: «Не буду затемнять», — и отступила от входа.

Не знаю, почему в то мгновение сердце билось у меня сильнее обычного. Во всем были виноваты Дашины слова... стр. 31

— Задание выполнено! Высоковольтная передача взорвана! — почему-то смущаясь, сказал Шокшин.

Я вышел из шалаша.

Аня стояла неподалеку от старухи Пекщуровой, которая, по-прежнему безучастная ко всему, шевелила бледными, запекшимися губами. Аня смотрела на нее, и во взгляде ее можно было прочесть и презрение, и удивление, и даже еле уловимый страх.

— Ну вот видишь, — наставительно сказал я, — вот видишь, Шокшин мог спокойно обойтись без тебя, не нужна ему была медсестра, и ты напрасно так настаивала.

— Послушай, Николай Иванович... Коля, — начала она и вдруг замолчала.

Мне хотелось сказать ей что-нибудь хорошее, но вырвалось только: — Вот тебе и крыть нечем.

Мы шли к берегу, обходя валуны.

Около бревен, сталкивая их в реку, копошились партизаны. Они работали как обычные сплавщики. Кархунен, наш комиссар, стоя на вращающемся под его ногами бревне, плыл по реке и длинным шестом отгонял от берега бревна. Со стороны не видно было, что ему приходится напрягать мышцы, балансируя. Казалось, что он просто, уверенно и быстро переступает с ноги на ногу, как будто стоит не на скользком бревне, а на гладкой половице и готовится войти в круг танцующих. Обычно с виду неуклюжий и коренастый, он сейчас казался и стройным, и необыкновенно гибким.

— До чего здорово! — не мог я не восхититься ловкостью комиссара.

— Мой отец и дядя не хуже на бревнах ездили, — почти с детской гордостью сказала Аня.

Вот занимаемся мы футболом и другими видами спорта, а своим родным пренебрегаем, подумалось мне. Ведь раньше даже соревнования бывали между сплавщиками. Стоя на скользком вертящемся бревне, они переплывали через стремнину, проводили бревна через камни кипящих порогов. А мальчишки по берегу бегут, кричат, свистят, руками машут. А те на бревнах еще больше изопряются: один присядет на корточки, другой, стоя на одной ноге, катит — просто удивительно. Имена самых ловких сплавщиков славились далеко за пределами района. А потом это почему-то объявили пережитками, даже лихачеством.

Однажды весной, когда, «зачищая хвост», сплавщики прошли мимо стр. 32 нашего села, началось состязание. Народ толпился на берегу. А секретарь комсомольской ячейки — сам лесоруб — с молодежью в другую сторону, к полям пошел, гармонькой-трехрядкой народ от пережитков оттягивать. А сам нет-нет да и метнет искоса взгляд на то, что на реке делается... И вот, когда уже почти все проехали на бревнах, ловкость свою показали, закипело у него ретивое, бросил он трехрядку на руки другу и сам куда-то побежал. А через минут пять все увидели: секретарь наш так, в хромовых сапожках, с галстуком, даже не переодевшись,

катит мимо всей деревни по реке на бревне. На одной ноге стоит, другой машет. Народ в ладоши бьет... Вот тебе и пережитки.

Но ведь в мирное время на сплав только с шестом работали. А вот сейчас и комиссар наш, и там поодаль Иван Иванович, и другие работают с винтовкой и вещевым мешком за плечами, с тугими тяжелыми патронташами у пояса. Это совсем другое дело.

На земле, еще недавно мы спокойно работали стоя во весь рост, теперь мы вынуждены делать свое дело украдкой, с оружием за плечами.

— Коля, — подошел ко мне Шокшин, — я думаю, когда уничтожим оккупантов, надо будет всюду заняться плаванием на бревнах... Хоть до республиканских соревнований дело доведем.

— Обязательно!

— Залом! — показала Аня на пенящиеся камни порога, к которым подходили все новые бревна.

Одно остановилось у камня. К нему подплыло второе, затем третье. Казалось, срубленные стволы сосен рады остановиться и хоть немного передохнуть, чтобы потом снова продолжать свой бег к морю. Но через минуту они уже не могли шевельнуться, не могли тронуться с места. Их сжали и притиснули к вновь подоспевшим бревнам, которые громоздились одно на другое.

На наших глазах залом продолжал расти, как плотина, преграждая прямое и ровное течение быстрой реки.

На гребень залома взобрался Иван Иванович с шестом в руках. Он собирался найти первое ленивое, ключевое бревно и, столкнув его с места, привести в движение всю эту махину. Но это было не так-то легко сделать.

На помощь Ивану Ивановичу, стоя на бревне, подплывал комиссар.

Это очень опасное дело — разбить залом. Все приходит тогда в движение, рушится... Любое из бревен может зашибить смельчака. Стоит только оступиться, и вот уже скользкий ствол увернулся из-под ноги, сплавщик — в реке, и быстрые бревна торцом ударяют его по голове, а вода увлекает на камни.

Внимание всех было приковано к Ивану Ивановичу и комиссару, решившим во что бы то ни стало разбить залом. Иначе пошел бы прахом весь труд и спущенный партизанами в реку лес не дошел к Белому морю.

— Воздух! Воздух! — вдруг раздался голос Жихарева.

Все ждали наших самолетов, которые должны были сбросить мешки с едой.

стр. 33

Из шалаша выскочил командир. В руке у него была заряженная ракетница.

— Красная ракета — сигнал: сбрасывать здесь.

Иван Фаддеевич поднял руку с ракетницей, собираясь спустить курок. Но не выстрелил, а закричал:

— Ложись! Ложись! — и опустив руку, сам лег под ветвистое дерево.

Словно вынырнувший из леса — так низко он шел — самолет на своих плоскостях нес скрюченные паучьи лапы свастики. Мотор ревел так, что ничего, кроме этого звука, нельзя было услышать, и мне показалось, что я вижу даже лицо летчика в кабине.

Все разбежались в одно мгновение и притаились за кустами, за деревьями, в кочках, у камней... Но ведь все равно летчик поймет, что здесь люди, — без них по реке сплав не идет и залом не возникает.

— Пожалуй, бомбить будет?

— Нет, шоколадные конфеты с ромом сбросит, — отозвался Ямщиков.

Он лежал рядом, и оба мы целились в аэроплан, и оба выстрелили и промазали.

Самолет прочесал прибрежный лесок трассирующими зажигательными пулями.

Совсем рядом со мной, точно маленькие столбики пыли, поднимаются дымки подожженного пулями мха.

На сухой ветке валежника заиграл огонек и побежал вверх. Катя затоптала его.

Самолет прошел над заломом и ударил несколькими очередями по бревнам, прикинув к которым лежали Иван Иванович и Кархунен. После первого виража самолет сделал второй заход.

Аня бежит к залому, на ходу расстегивая сумку с красным крестом. стр. 34
Аэроплан разворачивается в третий раз и уходит низко над лесом.

Стоя на бревнах залом, Аня размотала белый бинт. Иван Иванович сначала отстранял ее рукой, но потом покорился.

«Должно быть, пустяковая царапина», — подумал я и увидел, как из лесу выскочили и побежали по бревнам на наш берег двое партизан.

Иван Фаддеевич шел уже им навстречу. Я не отставал от него. Заплечный мешок не оттягивал плеч. Оставался всего один сухарь, да и тот был в кармане.

— Товарищ командир, — задыхаясь, проговорил партизан, — на том берегу в направлении к нам двигаются егеря. Боюсь, что рота...

— Рано бояться стал, что рота, а может, полк, — рассердился Иван Фаддеевич, и всем почему-то стало не так тревожно на сердце. — Я тебе больше скажу: с севера в нашем направлении тоже враги идут. А вот я не боюсь и тебе не советую... На то и война, чтобы врагов встречать. Ямщиков, Чирков, Елкин, немедленно идите по той тропе, где стоит Отец. Захватите его с собой и двигайтесь вдоль по берегу вперед. В случае, если заметите что-нибудь, стойте на месте, а Отца сюда ко мне с донесением. Понятно?

— Понятно!

Я взглянул на залом. Теперь там возился комиссар, отыскивая ключевое бревно. Аня бинтовала голову Ивану Ивановичу. И вдруг сердце у меня замерло: я увидел на другом берегу трех солдат в серых мундирах и серых суконных кепках с большими козырьками. Мы оставались скрытыми за валунами и штабелями еще не спущенных в воду бревен.

Я вскинул автомат, но Иван Фаддеевич положил руку на ствол:

— Подожди.

Солдаты подходили к залому. Вслед за первыми из лесу вышло еще четверо. И в это мгновение раздался удар, подобный отдаленному грому, и сверкнул быстрый свет, словно солнечный зайчик мелькнул и скрылся, — так всегда бывает, когда в водопаде бревна сшибаются друг с другом.

Кархунен все же нашел это злополучное бревно и ловко сорвал его с камня. Залом рухнул, и весь этот древесный вал тронулся с места, дальше по течению.

Но где же сам комиссар? Неужели и он погиб на камнях порога, как отец Ани Олави?

Несколько солдат подбежало к камням, около которых минуту назад был залом. Видимо, они собирались перебраться по залому, как по мосту. Два-три бревна еще держались за камни.

Солдат, ловко перепрыгивая с камня на камень, с бревна на бревно, прошел несколько метров, но поскользнулся и с головой ушел в воду.

— Теперь стреляй! — сказал командир, и я дал длинную очередь по группе.

Солдаты был сорван. Теперь не так-то легко перебраться на наш берег.

Оставив у реки в засаде дозорных, командир приказал остальным отойти на лесистую, покрытую валунами высотку и расположиться на склоне, обращенном к чаще.

— Товарищи, — сказал комиссар, он был весь мокрый и не успел еще выжать воду из одежды, — в нашем распоряжении меньше часа, положение сложное.

Он хорошо проводил собрания. Да это и не мудрено. Три года перед войной он был председателем лучшего колхоза района и, сам немногословный, не переносил, многословия у других. Фамилия у него была знаменитая. Внук прославленного сказителя. Из уст его деда под знаменитой сосной на берегу озера Куйто сам Элиас Ленрот записывал лучшие руны «Калевалы». Но круглолицый, всегда чисто бритый, Кархунен совсем не походил на своего деда, окладистая седая борода которого была по портретам известна всем детям Карелии и Финляндии.

Я навсегда запомнил это наше открытое партийное собрание в тылу врага, у окопов заблаговременно подготовленной круговой обороны, в двухстах километрах от линии фронта.

— Первое слово командиру отряда, — сказал Кархунен и сдвинул за затылок пилотку.

— Ну что ж, товарищ, — сказал Иван Фаддеевич, входя в круг. — Большой мост списан в расход. Приказ выполнен.

Мы все расположились на скате высотки — кто сидя на камешках и кочках, кто полулежа на земле, кто стоя, прислонившись к дереву. У всех в руках были ветки, которыми мы отмахивались от комаров, густо наседавших на лицо.

Дозоры были расставлены, мы могли, не опасаясь внезапных неприятностей, проводить партийно-комсомольское собрание. И все же каждый из нас прислушивался к малейшему шороху, с минуты на минуту ожидая выстрела.

Мы ждали этого выстрела, чтобы встретить лахтарей как положено. стр. 36

— Товарищи, подробный разбор операции отложим. Все группы выполнили свое задание без потерь, — сказал Иван Фаддеевич. — Взорван мост, уничтожены семьдесят три фашиста, взорван линия высоковольтной сети, унесены провода, уничтожена машина с тремя офицерами, добыты важнейшие документы, взята предательница — враг советского народа.

Все мы повернулись к старухе.

Пекшуева сидела среди нас, седая, с непричесанными косами, и по-прежнему шевелила сухими губами. Но глаза ее не были уже так безучастны, как несколько минут назад. Они оживились и зажглись интере-

сом. Старуха с нескрываемым любопытством, словно запоминая каждого в лицо, рассматривала партизан.

Она была глуховата и не расслышала, что сказал о ней командир, но, почувствовав на себе взгляды, смутилась и уставилась глазами в замшелый валун.

— Теперь перед нами самые большие трудности этого похода, — продолжал командир. — Мы обнаружены, и враг сделает все, чтобы нас окружить и не выпустить. Титов принес приказ немецкого командования. — В руке Ивана Фаддеевича был листок, найденный в немецкой полевой сумке. — Из этого приказа видно, какие силы бросили они против нашего отряда. Уже идут из разных пунктов. Это здорово, что мы на себя отвлекли с фронта столько сил: три роты немцев с минометами, егерский батальон, эсэсовская рота, финские самокатчики и собаки, авиация. Немцы и финны действуют против нас сообща. В восемнадцатом году лахтари только немецкой помощью удержались. Ну и теперь друг за дружку держатся. Я передал об их плане по радиации штабу. Беломорск приказывает нам отрываться от врага и выходить на Большую землю. Слишком уж неравные силы для лобовых боев.

Командир был прав. Нас всего девяносто три человека.

— Продукты получим только завтра, — продолжал Иван Фаддеевич. — Получим и тогда оторвемся. Иначе самолет вас не найдет. Питания для радиации осталось всего на четверть часа. Без боя не обойдется. Пусть каждый партизан сделает для себя выводы, — так закончил командир и сел на поваленное буреломом дерево.

Если бы мы были на Украине или на Смоленщине, то могли бы достать еду у крестьян. Но здесь, в Карелии, где население почти полностью успело эвакуироваться, где маленькую деревеньку с не успевшими уйти жителями и за сто верст не сыщешь, — здесь нечего об этом и думать.

стр. 37

Всем было ясно, что без еды далеко не уйдешь, что надо ждать самолета. Всем было ясно, что без боя сейчас оторваться от противника невозможно, и всем хотелось драться. Катя рассказала нам о том, что видела в родной деревне.

— Они высекли Лелю Лесонен за то, что она в школе разговаривала по-русски, а двух племянников Ниemi отняли у матери и увезли. Что с ними сделали — никто не знает. Мальчик осколками стекла разрезали шины у фашистских машин, вытащили втулку у бочки с бензином, и

бензин растекся по земле. Немцы не знали, кто это сделал. Но вот эта старуха Пекшуева донесла на них...

Катюша была потрясена. С Лелей она училась в одном классе.

— И за что? За то, что она говорила по-русски!... — возмутилась Аня. Щеки ее пылали.

Слушая взволнованный рассказ Кати в глухом карельском лесу, среди озер и огромных, обрывистых скал, таких родных моему сердцу, я был горд тем, что преподаю русский язык и литературу... Теперь, более чем когда бы то ни было, мне стало ясно, что это не только мое счастье и радость, — это мой боевой пост. Тысячи и тысячи людей в лесах Карелии и на сопках Заполярья, в холодных штормах Баренцева моря и жарких степях Украины подняли оружие. Наши отцы и старшие братья в дни гражданской войны яростно и самоотверженно бились за право строить новое общество. Во сколько же раз сейчас больше, грознее силы, которые хотят поработить, смять, уничтожить нас! Как же должны биться мы, молодые, дышавшие только воздухом революции, уже жившие при социализме, строившие его сами! И вот здесь, в глухом карельском лесу, на земле Калевалы, окруженные врагами, разве мы не счастливее всех поколений на свете, что можем биться и бьемся за то, за что только и нужно биться, жить и умирать?!

Но что это? Дальний выстрел на берегу. И сразу же стало слышно, как бьется сердце.

Нет, ничего... Это хрустнул сухой хворост под ногой соседа... Слово теперь держит комиссар.

— Первый вопрос ясен... Переходя ко второму вопросу — к приему в партию, я сначала скажу про тебя, Ниemi.

Говорил он с местным акцентом, ставя ударение на первом слоге. И стр. 38 от этого многие обычные слова звучали как незнакомые.

Матти Ниemi сидел на валуне. Он снял свою зеленую шляпу и нервно мял в руках.

— Вот, Ниemi, — сказал Кархунен, — у тебя племянников угнали и замучили, а как ты себя ведешь? За четыре похода не убил ни одного фашиста. Один раз промазал, другой — выстрелил до сигнала, третий раз не принял боя. На твоём текущем счету пусто. Если так будет продолжаться, я на следующем собрании поставлю вопрос о тебе серьезно. Здесь ни за чью спину не спрятаться! Есть и твоя вина, Матти, в том, что враг может прорваться на юге.

Мы узнали из сводки Совинформбюро перед отправлением на операцию, что под Курском и Орлом разворачивалось одно из величайших сражений мира. Немцы бросали в огонь тысячи танков — «тигров», «пантер», самолетов, сотни тысяч войск. Сама земля, казалось, исходила пламенем. Но оборона наша оказалась сильнее немецкого наступления. Наши самоходки, танки, орудия оказались лучше, чем те, перед которыми склонилась Европа. И, перемолов немецкие дивизии жерновами обороны, наши войска, выполняя план ставки, перешли в наступление. Был развеян миф о том, что немцы наступают летом, а мы зимою. Нет того времени года, когда бы мы не могли успешно громить врага!

Но на лесистой и каменистой сопке мы не знали еще исхода этой великой битвы, до нас только обрывками долетали ее отзвуки, — и сердца наши говорили то же, что сказал комиссар.

На этом собрании мы мы приняли в кандидаты партии Якуничева. Мне не раз доводилось ходить с ним в очень рискованные операции, и всегда он был спокойным и уверенным в себе. Никогда я еще не видел, чтобы этот светловолосый великан волновался так, как он волновался на этом собрании.

— Много звезд на небе по кругу ходит. Но одна только нам, рыбаком, пути указывает. — Полярная звезда, — сказал он, стараясь быть спокойный. — А ведь на море труднее, чем здесь, в лесу, — ни одной тропы не протоптано. Бывало, шторм, волна выше мачты, а мы с путины домой дорогу находим. И все она, неизменная Полярная звезда. Так и для меня с товарищами пути жизни нашей указывает большевистская партия.

— Люблю я, когда говорит Лось, — шепнул мне Шокшин.

— Слово Якуничева — это слово коммуниста, — сказал комиссар. — стр. 39

До войны он плотничал, строил для нас, для социализм, дома, шнеки, мосты. Когда нас захотели уничтожить, он взял оружие и не прячется ни за чью спину. А когда мы разобьем врага, Якуничев снова будет строить для колхозников, для социализма, дома, шнеки, мосты, заводы, дворцы... Я предлагаю принять его в кандидаты нашей Коммунистической партии.

Прений не было.

Из лесу вышел отец. Он поклонился всем товарищам, сидевшим, стоявшим и лежавшим в кругу, быстро подошел к Ивану Фаддеевичу и стал что-то шептать ему.

Я стоял совсем близко, и мне хорошо видны были волосатые руки отца, набухшие от напряжения синеватые жилы на его загорелой шее. И был он мне сейчас особенно дорог.

— Товарищи! — громко сказал Иван Фаддеевич, ударяя веткой по голенищу. — Товарищи, с юга тоже идут враги. Без боя не оторваться... Будет бой. Командиры взводов, ко мне! Но прежде... — он повернулся к старухе Пекшуевой.

Она сидела по-прежнему на мшистой кочке и напоминала злую ведьму Лоухи из народной сказки.

— Надо привести в исполнение приговор народа!

Аня подошла к Ивану Фаддеевичу и робко, но настойчиво, срывающимся от волнения голосом попросила:

— Товарищ командир, разрешите мне. Мы из одного села. Эта женщина позорит карельский народ и мое село.

— Правильно, — сказал Кархунен.

— Исполняй! — подтвердил Иван Фаддеевич.

Аня! Нежная, ласковая девушка, как мне памятен школьный вечер, когда в волосах твоих, как большая красная бабочка, трепетал шелковый бант и ты, волнуясь, читала с эстрады письмо Татьяны к Онегину.

Давно ли на каникулах ты работала буфетчицей в столовой Дома культуры и чайные ложечки позвякивали в твоих длинных и тонких девичьих пальцах? И вот сейчас!... Сколько же ты должна была за это время пережить, понять, выстрадать? Голубая жилка бьется на твоём загорелом виске. Ты прикусила губку. Как ты мне дорога, родная! Как я люблю тебя, такую решительную и нежную, честную до конца, прямую и сильную. И эту голубую жилку, и эти искусанные комарами руки, и эту прядь волос...

Как при вспышке молнии внезапно озаряется даль и из тьмы выступают резные листья стоящего рядом клена, так и мне в эту минуту стало ясно, что я люблю Аню, и любил уже давно, и готов сделать все, чтобы ей было хорошо.

А она подходит ко мне, и руки ее дрожат, и трудно ей застегнуть кобуру... стр. 40

— Дай помогу.

— Сынок, — говорит она мне. Она хочет улыбнуться, и не выходит у нее улыбка. Она хочет плакать, но нельзя. — Сынок... Коля, — спохватывается она, вспомнив, что я не люблю своего прозвища.

А прижимаю ее руку и вкладываю в это пожатие все, что теснится у меня на сердце. И она, наверное, женским своим чутьем понимает это.

Но надо идти, чтобы отрыть поглубже стрелковую ячейку на высоте.

Круговая оборона.

Глава третья

стр. 40

Глава четвертая

стр. 58

Глава пятая

стр. 67

Глава шестая

стр. 78

Глава седьмая

стр. 85

Глава восьмая

стр. 97

Глава девятая

стр. 114

Беломорск — Сегежа — Москва 1944